

Конкуренция в развитии теорий и в развитии российской цивилизации (размышления над концепцией О.Э. Бессоновой)

Ю.В. ЛАТОВ

В данной статье автор предлагает свой взгляд на концепцию, предложенную О.Э. Бессоновой, статья которой опубликована в настоящем номере «Мира России». Автор рассматривает концепцию О.Э. Бессоновой как интересный опыт разработки новой «большой теории» или даже метатеории. Анализ предлагаемой концепции служит поводом для общетеоретических рассуждений о том, каковы основные современные «большие теории», можно ли их синтезировать и что препятствует формированию новой метатеории. В статье рассматриваются сильные и слабые стороны концепции О.Э. Бессоновой. Указывается на ее сходство с некоторыми уже существующими теориями (особенно с теорией К. Поланьи) и на элементы научной новизны. Главным недостатком новой концепции автор статьи считает недостаточную проработку понятийного аппарата и, самое главное, отсутствие анализа механизмов генезиса новых социально-экономических систем. Критике подвергается предложенная О.Э. Бессоновой интерпретация развития российской цивилизации как истории одних только раздаточных экономических систем. На материалах истории российских государств XIII–XVII вв. доказывается, что в рамках российской цивилизации развивались как «раздаточные», так и «рыночные» экономические системы. Поэтому российская цивилизация может развиваться не только в рамках модели «либерального раздатка», но и в рамках других моделей.

Работы О.Э. Бессоновой лишний раз демонстрируют, что Россия остается страной, где все еще уважают и любят «большие теории».

В 1990-е годы нас пытались убедить, что время «больших теорий», описывающих глобальные (многовековые) тенденции развития человечества, прошло; что в эпоху постмодерна на смену всеобъемлющим «большим теориям» приходит знание контекстуальное и фрагментарное; что «большие теории», в отличие от «малых», основаны на высокой степени абстракции от конкретных особенностей места, а потому часто не могут помочь в анализе конкретной проблемы; что «большие теории» имманентно содержат претензию на социальное конструирование и тем самым провоцируют тоталитаризм и насилие.

Убедить не удалось. Минувшие 15 лет убедительно показали, что социальным конструированием заниматься все же придется, поскольку благая надежда на «спонтанный порядок» индуцирует «спонтанный беспорядок». «Совершать ошибки», как оказалось, можно, руководствуясь как «единственно верным учением», так и «здравым смыслом».

Самое главное, в отсутствие «большой теории» (а лучше — нескольких «больших теорий», взаимодополняющих друг друга) трудно понять, куда надо направлять развитие России. Ведь очевидно, что удвоение ВВП за 5 лет — это, конечно, ценностно значимая цель, но явно какая-то куцая, недостаточная. Без «большой теории» не ясно, к чему же мы стремимся, удваивая этот самый ВВП. К тому, чтобы в каждой семье был не один телевизор, а два? Или чтобы каждый взрослый имел не одно, а два высших образования? Или чтобы мы жили не по 60–70 лет, а по 120–140?

Эти вопросы были не слишком актуальны в 1990-е годы, когда россияне стремились не столько жить, сколько выживать. Тогда у всех, даже самых богатых, земля горела под ногами, поэтому строить планы на будущее было как-то неуместно. Сейчас ситуация стабилизировалась. Возрождается и интерес к «большим теориям», несводимым к тривиальному противопоставлению «хорошего капитализма» (рыночной экономики, открытого общества...) и «плохого социализма» (командной экономики, закрытого общества...). Без «большой теории» большой стране трудно найти свою дорогу в общество будущего. А надежды, что эту дорогу нам укажут зарубежные коллеги, увы, иллюзорны — за рубежом заняты, прежде всего, собственными проблемами развития, которые далеко не во всем схожи с нашими.

Работы Ольги Эрнестовны Бессоновой¹ явно претендуют на роль не просто новой «большой теории», которая определенным образом объясняет прошлое, настоящее и будущее России и всего мира, но даже метатеории, интегрирующей другие «большие теории». Это удобный повод для размышлений не только над конкретной статьёй конкретного автора, но и над некоторыми общими вопросами развития отечественного обществоведения и российской цивилизации.

Наш анализ программной статьи О.Э. Бессоновой мы построим следующим образом: сначала охарактеризуем «большие теории», с которыми конкурирует новая теория; затем рассмотрим, каковы же ее достоинства и недостатки в сравнении с другими «большими теориями» глобальных мегатенденций общественного развития; в заключение посмотрим, как можно эту концепцию усовершенствовать.

Современные «большие теории» общественного развития

«Великолепная шестерка» и другие

Если внимательно присмотреться к современному развитию общественных наук, то выясняется, что мнение о смерти «больших теорий» несколько преувеличено. В мировом обществоведении можно встретить не менее полудюжины научных парадигм, претендующих в той или иной степени на статус «большой теории», некоторые из них имеют более чем столетнюю биографию, другие же родились в последние десятилетия (табл. 1).

¹ Автор эффективно популяризирует свои труды, разместив многие из них в Интернете. См., например: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/185026.html>.

Таблица 1. Современные «большие теории» общественного развития

«Большие теории»		Создатель и последователи	Типология экономических систем
Марксизм (с 1860-х годов)		К. Маркс; В.И. Ленин, К.-А. Виттфогель; В.П. Илюшечкин, Ю.И. Семенов, Р.М. Нуреев	Ортодоксальная версия: первобытность, рабство, феодализм, капитализм, коммунизм. В неортодоксальных версиях предлагается выделять иные типы – азиатский способ производства, рентный способ производства, экономическая общественная формация и др.
Цивилизационные теории	Цивилизационно-конфессиональные (с 1900-х годов)	М. Вебер; С. Хантингтон; В.С. Магун	По культурно-конфессиональным ареалам: западная христианская, восточная христианская, конфуцианская, исламская и др.
	Цивилизационно-национальные (с 1930-х годов)	А. Тойнби; Р. Ла Порта, Г. Хоффстед, Ф. Фукуяма; Н.С. Розов	По культурно-национальным ареалам: англосаксонская, европейско-континентальная, дальневосточная и др. По странам: французская, шведская, германская, американская, японская, российская и др.
Теория форм обмена (с 1940-х годов)		К. Поланьи; Дж. Дальтон, М. Салинз; Н.А. Розинская	Реципрокность, редистрибуция, рынок
Теория пост-индустриального общества (с 1960-х годов)		Д. Белл; О. Тоффлер, М. Кастельс; В.Л. Иноземцев	Доиндустриальное, индустриальное, постиндустриальное общество
Мир-системный анализ (с 1970-х годов)		И. Валлерстайн; Ф. Бродель, Дж. Арриги, А. Франк; Б. Кагарлицкий	Локальные общности, мир-империи (древнеперсидская, древнеримская, арабская, испанская и др.), мир-экономики (финикийская, средневеково-европейская, средневеково-арабская, европейская капиталистическая и др.)
Новая экономическая история (с 1980-х годов)		Д. Норг; А. Греф, Д. Уоллес	Первобытный строй, социальный строй с ограниченным доступом, социальный строй с открытым доступом

Во-первых, это имеющая много разновидностей (включая, скажем, «реви-зионистскую» концепцию К.-А. Виттфогеля (см. [Плискевич 2006])² марксистская традиция. В рамках этой парадигмы анализируются сменяющие друг друга способы производства (от первобытности до капитализма и далее) как проявление

² Здесь и далее при обзоре концепций сознательно даются ссылки только на русскоязычные издания, чтобы показать доступность российскому читателю сведений о современных парадигмах.

прогрессивной эволюции производственных отношений под влиянием развития производительных сил. В постсоветской России эта традиция представлена, например, трудами В.П. Илюшечкина [Илюшечкин 1996], Ю.И. Семенова [Семенов 2003], Р.М. Нуреева [Нуреев 2006].

Во-вторых, весьма популярен идущий от работ М. Вебера [Вебер 2002] и А. Тойнби [Тойнби 1998] цивилизационный (хозяйственно-культурный) подход. Этот подход имеет две ветви: последователи Вебера типологизируют цивилизации по конфессиональному критерию, последователи Тойнби – по этническому и национальному. В любом случае признается, что тип национальной (или региональной) модели экономики определяется духовно-культурными (ментальными) ценностями. В нашей стране развитием подходов в духе М. Вебера занимается, например, В.С. Магун [Магун 1998, 2005; Магура, Магун 2000], а цивилизационные концепции современных последователей А. Тойнби пропагандирует Н.С. Розов [Время мира... 2001]. К этому направлению помимо историков, дискутирующих о критериях классификации и количестве цивилизаций прошлого, примыкают компаративисты, занимающиеся сравнением по самым разным критериям современных национальных моделей экономики. Среди этих компаративистов можно встретить представителей буквально всех общественных наук – и экономистов (скажем, Р. Ла Порту и его коллег по *new comparative economics* [Ла Порте, Лонесде-Силанес, Шлейфер 2005]), и специалистов по социальной психологии (Г. Хофстед [Латов, Латова 2007]), Ф. Тромпенаарс [Тромпенаарс, Хамден-Тернер 2004] и др.), и социологов (Ф. Фукуяма [Фукуяма 2004]), и политологов (С. Хантингтон [Хантингтон, 2005]).

В-третьих, продолжает жить и развиваться сформулированная К. Поланьи концепция развития отношений реципрокности, редиистрибуции и торговли как специфических форм обмена в условиях общественного разделения труда. Эта концепция немного не «дотягивает» до полноценной «большой теории», поскольку, несмотря на «бестселлерную» популярность работ К. Поланьи [Поланьи 2002], в них трудно найти связное изложение модели исторически развивающихся экономических систем. Однако такую модель достроить вполне можно, что отчасти попытались сделать авторы недавно опубликованной в ГУ ВШЭ книги [«Великая трансформация» Карла Поланьи... 2006].

В-четвертых, самой известной является разрабатываемая в трудах экономистов-социологов (Д. Белл, О. Тоффлер и др.) теория постиндустриального общества. Хотя она концентрируется на современной эпохе, в ней легко можно найти модель и глобального исторического развития (например, в форме выделенных О. Тоффлером трех «волн» [Тоффлер 1999]), правда, достаточно эскизную. Данную парадигму можно рассматривать как модернизированный вариант марксистской теории способов производства – особенно, если воспринимать эту теорию не в упрощенных версиях советской эпохи (типа «концепции-пятичленки»), а по произведениям самого К. Маркса. Эта близость «постиндустриализма» к марксизму отчетливо прослеживается в работах В.Л. Иноземцева, посвященных постэкономическому обществу [Иноземцев 1995, 1996, 1998].

В-пятых, весьма популярным стал разработанный в трудах И. Валлерстайна [Валлерстайн 2001, 2003] и ряда его единомышленников [Бродель 1986–1992 (2006),

Арриги 2006] мир-системный подход, акцентирующий внимание на взаимовлиянии и взаимообусловленности развития национальных экономик как элементов единой геоэкономической/геополитической системы. Разработчики этой парадигмы начинали, как и «постиндустриалисты», с объяснения современной эпохи (точнее, с эпохи Нового времени), но затем стали активно использовать новый подход и для анализа более отдаленных эпох. В результате в настоящее время «мир-системщики» работают со всей историей цивилизации за последние несколько тысяч лет. В России эта парадигма имеет и противников [Фурсов 1992], и поклонников, применяющих мир-системный анализ для объяснения закономерностей развития российской «периферийной империи» [Кагарлицкий 2004].

В-шестых, относительно новой парадигмой теории экономических систем является «новая экономическая история» лауреата Нобелевской премии по экономике Д. Норта³. Эта концепция интерпретирует эволюцию как прогресс институтов, «правил игры», который ведет к снижению транзакционных издержек. Данная теория развивается на наших глазах. Хотя Д. Норт начинал, как и И. Валлерстайн, с анализа Нового времени [Норт 1997], в последние годы он настойчиво пытается создать общую теорию эволюции экономических систем как перехода от первобытного строя сначала к «социальному строю с ограниченным доступом», а затем к «социальному строю с открытым доступом» [Норт, Уоллес, Вейнгаст 2007]. Эта институциональная парадигма еще не нашла в России активных сторонников.

Кроме перечисленных шести теорий за минувшие полтора века возникли и некоторые другие «большие теории» (например, популярная столетие назад социал-дарвинистская теория развития как противоборства человеческих рас), которые, однако, не выдержали конкурентной борьбы и остались только в истории обществоведческой мысли.

Наряду с перечисленной «великолепной шестеркой» «больших теорий»⁴ существует немало теорий, так сказать, среднего уровня. «Средние теории» тоже рассматривают отдельные глобальные, многовековые тенденции общественного развития, однако сами по себе не могут привести к созданию оригинальной типологизации экономических систем. К числу таких «средних теорий» относится, например, складывающаяся с 1990-е годы и связанная с синергетической парадигмой теория зависимости от предшествующего развития (П. Дэвид, Б. Артур), которая анализирует ситуации случайного/сознательного выбора новых стратегий развития в бифуркационных точках [Дэвид 2006]. В России ярким примером «средних теорий» является социоестественная история [Кульпин 1996; Нефедов 2007; Милов 1998], базирующаяся во многом на идеях этологии и изучающая развитие человечества в контексте его взаимодействия с биосферой.

³ «Новую экономическую историю» Д. Норта необходимо отличать от клиометрической «новой экономической истории» Р. Фогеля, которая развивается по принципу «метод ищет применения» и не претендует на статус «большой теории» [Нуреев, Латов 2007].

⁴ Следует учитывать, что границы между разными парадигмами и внутри них не очень четкие. Поэтому число «больших теорий» можно несколько увеличить, если учитывать, например, отраженные в табл. 1 различия двух ветвей цивилизационного анализа, а также не отраженные в ней полемизирующие друг с другом направления марксистской и мир-системной парадигм.

Таким образом, на наш взгляд, правильнее говорить не об окончании эпохи «больших теорий», а о временной паузе между «уходом» одной доминирующей метатеории (каковой долгое время в явной или неявной форме был марксизм) и «приходом» другой. Такие паузы случаются в истории наук не реже, чем прямое вытеснение старой теории новой. Например, если приводить примеры из наиболее близкой автору данной статьи экономической науки, между осознанием кризиса классической политэкономии и победой неоклассики прошло около 50 лет (1840–1890-е годы), на протяжении которых на роль альтернативной парадигмы претендовали немецкая историческая школа, марксизм, камералистика и иные теории.

Почему не рождается новая метатеория?

Отметим, что перечисленные «большие теории» не взаимоисключают, а, скорее, взаимодополняют друг друга. Это создает принципиальную возможность их синтеза.

Все перечисленные парадигмы имеют общий методологический фундамент — они основаны на органистической трактовке общества, рассматриваемого не как сумма индивидов, а как система социальных организаций и социальных норм. Все они являются определенной разновидностью институционального анализа⁵. Поэтому обществоведы, работающие в разных парадигмах, во многом подобны тем, кто изучает у некоего крупного существа ноги, уши и хобот, не подозревая, что все это — разные части тела одного слона. Если суммировать их знания, то они образуют целостную картину.

Скажем, доиндустриальные общества можно двояко классифицировать по производственным отношениям на марксистские способы производства (первобытный, азиатский, античный, феодальный) и по культурным ценностям на тойнбиевские цивилизации (египетская, ближневосточная, европейская, китайская...), а затем указать, что господствующими формами обмена в них являлись реципрокность (в локальных общностях) и редистрибуция (в мир-империях), в то время как торговля играла второстепенную роль (из-за чего мир-экономики не могли противодействовать мир-империям), поскольку трансакционные издержки были высоки вследствие неразвитости правовых институтов. В этой характеристике непротиворечиво соединены элементы всех шести «больших теорий». Если к ней добавить, что развитие доиндустриальных обществ происходит циклически из-за интерференции демографических и климатических «волн», а некогда сделанный цивилизационный выбор порождает QWERTY-эффекты, то может показаться, что собрать все «большие теории» воедино можно без особых интеллектуальных усилий.

Если «большие теории» дополняют друг друга, то что мешает буквально завтра создать новую метатеорию? Препятствий много. Одни из них обусловлены особенностями спроса на новое научное знание, другие — особенностями развития научного сообщества, третьи — трудностями самой научной работы.

⁵ Автор данной статьи ранее уже писал, что неинституциональные теории долгосрочных тенденций общественного развития вообще вряд ли возможны [Латов 2004].

Прежде всего, следует помнить, что в конкуренции концепций побеждают те, которые позволяют лучше отвечать на практически значимые вопросы (т. е. дают эффективные практические рекомендации или хотя бы новые идеологемы). Например, в конкуренции кейнсианства с неоклассикой кейнсианство побеждало в 1930-е годы, когда обосновывало необходимость назревшего усиления государственного регулирования рыночного хозяйства, и проигрывало в 1970-е годы, когда назрела необходимость умерить государственное регулирование и вообще перформативировать дискурс о регулировании экономики, введя в него новых субъектов и новые мотивы.

Кому сейчас нужна новая «большая теория»? Развитым странам (странам «ядра капиталистической мир-экономики»)? Для их нужд достаточна теория постиндустриального общества с добавками из Д. Норта и из работ компаративистов. Развивающимся странам (странам «периферии и субпериферии»)? Для них больше подходит мир-системный анализ с теми же самыми добавками. Мировое правительство, которое могло бы вооружиться новой «большой теорией» как инструментом/идеологией глобального регулирования, неприемлемо ни для первых, ни для вторых.

Конечно, кроме логики развития науки как своеобразной сферы нематериальных услуг существует и собственная логика развития науки как самоценного производства знания, помогающая создавать теории относительно независимо от спроса со стороны политиков или предпринимателей. Скажем, концепцию реципрокности/редистрибуции/торговли К. Поланьи трудно как-либо практически использовать. В результате она заметно менее популярна, чем, например, «постиндустриальные» и «мир-системные» теории. Но среди специалистов она хорошо известна, поскольку помогает если не переделывать мир, то хотя бы его объяснять.

Однако созданию новой метатеории развития общества препятствуют еще и определенные институты самой современной науки.

В Средние века ученые-теологи боялись новых идей, считая, что все главное уже сказано, и их задача — не изобретать новые сущности, а упорядочивать ранее открытое. В современной науке ситуация с точностью до наоборот — страшатся недостаточности новизны и оригинальности. Исследователи стремятся не столько систематизировать работы предшественников, сколько, «встав на их плечи», предложить свою сетку категорий. В результате за различием понятийного аппарата часто трудно разглядеть сходство сущностей. Те, кто «в теме», знают, что понятия «командная экономика», «редистрибуция», «восточный деспотизм», «мир-империя», «власть-собственность» описывают (пусть с разными оттенками смысла) одно явление. Но за каждым понятием стоит своя научная школа со своим символическим капиталом (накопленной репутацией), который она вовсе не намерена обнулять ради «чистой науки». Возникает пресловутый QWERTY-эффект: новая теория может быть более эффективной, но она не одолеет старые теории, по которым уже написано много диссертаций и монографий.

Чтобы победить, новая метатеория должна давать не просто некоторое, а очень большое приращение знаний. Тогда она может вводить особый научный язык, и он будет освоен ради огромных выгод, которые сулит его использование. (Примерно так было с мир-системным анализом И. Валлерстайна.) Либо новая метатеория

должна минимизировать трудности освоения нового понятийного аппарата. Но этот путь вряд ли возможен, поскольку уже существующих «больших теорий» не так уж мало, поэтому трудно найти такие категории, которые бы легко сопрягались с понятийным аппаратом хотя бы всех «больших теорий» из «великолепной шестерки», не говоря уже о многих «средних теориях».

Наконец (последнее по счету, но не по значимости), имеют место и многие трудности сугубо содержательного характера. Метатеория рождается, синтезируя многие предшествующие теории. (Вспомним о трех источниках марксизма – немецкой классической философии, английской классической политэкономии и французского утопического социализма.) Это очень непростая задача, поскольку того, кто предпримет столь трудоемкую попытку, подстерегает опасность эклектики.

Да, перечисленные выше основные парадигмы общественного развития в принципе можно синтезировать. Но это вовсе не значит, что новая метатеория есть механическая сумма «великолепной шестерки» с примесью еще некоторых «средних теорий». Если развить ранее использованный образ ученых, изучающих некое животное, то может оказаться, что хобот и уши принадлежат слону, а вот за его ноги по ошибке приняли ствол пальмы. А если хобот, ноги и уши все же принадлежат одному животному, то для «открытия» слона надо еще обнаружить бивни, хвост и многие другие части тела.

Можно перечислить массу вопросов, старых и новых, на которые существующие теории не дают однозначного ответа и которые необходимо решить при выработке новой метатеории. Скажем, как отграничить цивилизацию от формации? Почему в доиндустриальных странах Запада мы видим смену способов производства, а в странах Востока – смену цивилизаций? Когда и почему сформировалась поляризация «Восток – Запад»? Можно ли ее трансформировать? Каковы возможности и пределы сознательного социального конструирования? Вопросы можно множить и множить. К тому же, чтобы правильно поставить вопрос, надо знать половину ответа.

Не случайно число «больших теорий», возникших за последние полтора столетия, очень невелико – их создание по плечу немногим. Правда, в современную эпоху, когда научный труд становится все более коллективным, формирование новой парадигмы тоже становится делом рук коллектива. На смену одиноким гениям (как два великих Карла – Маркс и Поланьи) приходят научные школы, которые, однако, нуждаются в интеллектуальном лидере (это хорошо видно на примерах мир-системного анализа И. Валлерстайна и новой экономической истории Д. Норта).

Концепция О.Э. Бессоновой на фоне «больших теорий»

Концепция Ольги Эрнестовны Бессоновой определенно является претензией если не на метатеорию, то, по крайней мере, на подход к ней. В одной из своих последних работ автор «интегрально-институциональной парадигмы цивилизационного развития» четко указывает: «Данная работа представляет новую парадигму, разработка которой осуществлялась в три этапа» [Эти три этапа показаны в табл. 1 публикуемой в данном номере «Мира России» статьи О.Э. Бессоновой. – Ю. Л.] [Бессонова 2007, с. 6]. Эта парадигма «базируется на синтезе цивилизационного,

формационного и институционального подходов»⁶, что можно понять как обобщение всех теорий «великолепной шестерки»⁷. Неужели перед нами долгожданная новая метатеория?

Чтобы определить статус разработанной О.Э. Бессоновой концепции, рассмотрим сначала, каковы ее преимущества и недостатки в сравнении с ранее рассмотренными «большими теориями».

Сравнительные преимущества «интегрально-институциональной парадигмы цивилизационного развития»

Начнем с того, что сам факт попытки О.Э. Бессоновой разработать качественно новую метатеорию общественного развития следует приветствовать.

Вторая колонка табл. 1 позволяет убедиться, что, несмотря на «подъем Востока», инициирование новых теорий глобального общественного развития остается прерогативой представителей западноевропейской цивилизации. В научной литературе крайне трудно найти какую-либо информацию об оригинальных обществоведческих теориях экономических систем, предложенных учеными Японии, Китая, Индии, Турции, не говоря уже о каком-нибудь Египте или Мексике⁸. Даже концепция мир-системного анализа, ставшая знаменем борьбы за «новый международный порядок», разработана и развивается вовсе не учеными «третьего мира», а левой профессурой Америки и Европы⁹.

Россия с этой точки зрения находится в наиболее выигрышном положении: мы — «слаборазвитая Европа», но одновременно и «высокоразвитая Азия». Поэтому российские обществоведы, начиная с XIX в., демонстрировали высокую степень включенности в европейский научный дискурс, хотя и оставались, в общем-то, периферийными его участниками. Увы, за послесоветские десятилетия авторитет российского обществоведения скорее снизился, чем возрос. Начав в конце 1980-х годов учиться у Запада, мы рискуем оказаться «вечными студентами». Поэтому достойна искреннего уважения попытка российского экономиста-социолога сказать свое, принципиально новое слово в теории экономических систем¹⁰. «Пу-скай наносит вред врагу не каждый воин, но каждый в бой иди...».

⁶ Здесь и далее высказывания О.Э. Бессоновой, если это не оговорено, цитируются по ее статье в данном номере «Мира России».

⁷ Строго говоря, все «большие теории» общественного развития связаны с институциональным анализом (анализом институтов), который может иметь форму формационного (марксизм, «поланьизм», «постиндустриализм», «новая экономическая история» Д. Норта), цивилизационного или смешанного (мир-системный анализ) подходов. Видимо, корректнее было бы просто сказать, что разработанная О.Э. Бессоновой парадигма базируется на синтезе предшествующих институциональных теорий.

⁸ Некоторые исключения подтверждают правило. Например, перуанский ученый Э. де Сото широко известен своими трудами, близкими к институционализму Д. Норта. Однако если ознакомиться с биографией этого ученого, легко убедиться, что он является, строго говоря, европейцем перуанского происхождения, поскольку его детство, юность и начало трудовой биографии прошли в основном в Швейцарии.

⁹ Среди «мир-системщиков» есть и представители развивающихся стран (как, например, египтянин Самир Амин), но их научный уровень, судя по публикациям, ниже, чем у западных ученых [Амир 2007].

¹⁰ Вдвойне замечательно, что О.Э. Бессонова представляет не столичную, а региональную науку (Новосибирскую экономико-социологическую школу). Впрочем, Новосибирск и в СССР воспринимался как третий наукоград, хотя и уступающий двум первым.

Попробуем теперь уточнить, какие именно теории «великолепной шестерки» и как интегрированы в «интегрально-институциональной парадигме цивилизационного развития»¹¹.

Как следует из программной статьи О.Э. Бессоновой, ее концепция базируется на двух основных идеях:

дуальность противоположных институтов по принципу «доминантности – компенсаторности»;

циклическая модель цивилизационного развития¹².

Первая идея новой теории заключается в том, что существуют два «универсальных способа координации коллективной деятельности» – раздаток и рынок. Здесь пока ничего нового нет, если вспомнить теорию К. Поланьи. «Раздаток» есть только оригинальный перевод устоявшегося термина «редистрибуция». К тому же «поланьизм» кажется богаче «бессоновизма», поскольку кроме двух названных знает еще и третью форму институтов обмена – реципрокность (дар)¹³.

Оригинальность в том, что О.Э. Бессонова подчеркивает дуальное единство этих двух институтов¹⁴. В принципе, истоки подобного подхода можно найти у того же К. Поланьи, который в последних своих работах как раз анализировал «торговые порты» древности и Средневековья, где оживленная торговля велась под наблюдением правительственных чиновников, в результате чего конкуренция целенаправленно тормозилась [Поланьи 2006]. Похожая идея есть и у «мир-системщиков», многократно писавших о противоборстве мир-империй и мир-экономик. Новизна подхода О.Э. Бессоновой состоит в том, что если ее предшественники подчеркивали, главным образом, тормозящее влияние раздатка на развитие рынка, то у нее указывается на их нераздельность, когда компенсаторные институты органически дополняют доминирующие.

Правда, в историко-эмпирической части статьи, посвященной России, автор не вполне раскрывает новые возможности этой теоретической инновации. Подчеркивание административного характера многих рыночных цен в раздаточной экономике, когда даже деньги становятся продуктом «не обменных отношений, а отношений сдач-раздач», – это все тот же «хорошо забытый» К. Поланьи. А вот в каких сферах раздаточной экономики и в какой степени все же возникали рыночные цены? А как насчет частной собственности и частного труда, которые тоже должны были развиваться в России как компенсаторные институты? Вероятно, этой проблематикой автор намерен заняться в будущем.

¹¹ В принципе, конечно, следовало бы ожидать, что автор сам подробно объяснит свое отношение к источникам и составным частям ее концепции. Видимо, историографическая работа будет проделана в будущих трудах О.Э. Бессоновой, а в тех ее работах, которые опубликованы, этот «фундамент» четко не обрисован.

¹² О.Э. Бессонова выделяет пять «фундаментальных принципов», но первый из них описывает общеметодологическую предпосылку концепции, а 2, 4, 5-й принципы могут быть объединены.

¹³ Отсутствие анализа реципрокности/дарения в концепции О.Э. Бессоновой можно объяснить тем, что они характерны, прежде всего, для догосударственных (первобытных) обществ, которые у автора выведены за рамки анализа.

¹⁴ «Несмотря на взаимное нераздельное существование и стремление к гармонизации, рынок и раздаток противопоставлены друг другу как конкуренты за координацию любого вида деятельности».

Вторая интересная идея О.Э. Бессоновой — модель траектории цивилизационного развития. В ней есть два привлекающих внимание аспекта.

Схему последовательного чередования «формационных элементов» (рабства — крепостничества — наемного труда) трудно назвать оригинальной. Здесь налицо, конечно, использование марксистской теории способов производства, причем в ортодоксальной (можно даже сказать — вульгаризированной) форме «концепции-пятичленки» (рабство — феодализм — капитализм). Любопытно, однако, как О.Э. Бессонова определяет посткапиталистическую стадию: после «зрелой формации», где господствует «наемная модель трудовых отношений», некоторым цивилизациям удастся прорваться к «интегральной формации», где господствует «контрактная (договорная) модель трудовых отношений». Не будем пока спрашивать, корректно ли противопоставлять контрактные отношения наемным отношениям. Обратим внимание на другое: в модели цивилизационного развития фиксируется, что «новый мир», который рождается в конце XX в., качественно отличается от предыдущего — не меньше, чем тот отличался от феодального крепостничества (в терминологии автора концепции — от «срединной формации»). Этот взгляд тоже не абсолютно оригинален, достаточно вспомнить концепции постиндустриального общества. И все же научная новизна имеет место: «постиндустриалисты», подчеркивая отличия «информационной эпохи» от предшествующей, не доходят до утверждения, что новая модель трудовых отношений является не просто более гибкой в сравнении с традиционной, но принципиально иной.

Другой оригинальный аспект модели цивилизационного развития — это идея сосуществования рыночных и раздаточных экономических систем внутри каждой из выделенных О.Э. Бессоновой формаций. Это означает, что процесс общественного развития можно изобразить, как показано на рис. 1.

Данная идея О.Э. Бессоновой не укладывается почти ни в одну из «больших теорий».

Рис. 1. Рыночные и раздаточные модификации общественных формаций

Правда, можно вспомнить К. Поланьи, который настаивал, что реципрокность, редистрибуция и рынок — это не последовательные, а параллельно развивающиеся системы. Однако у его последователей такая интерпретация распространения не получила. Современные «поланьисты» склонны трактовать названные три системы скорее как последовательно-прогрессивные ступени общественного развития (хотя соглашаются, что в современном рыночном хозяйстве существуют и реципрокность, и редистрибуция).

Похожий подход был выражен также в изданной «под занавес» советской эпохи трехтомной «Истории Древнего мира» [История Древнего мира 1989]. Полемизуя с концепцией азиатского способа производства, И.М. Дьяконов утверждал

[История Древнего мира 1989, с. 31–56], что в Древнем мире наблюдается не два способа производства (античный и азиатский), а несколько региональных путей развития, характеризующихся разным сочетанием двух секторов – государственного и общинно-частного. Например, в египетских и ближневосточных империях доминировал государственный сектор, с преобладанием натурально-хозяйственных связей, а в средиземноморском регионе (Греция, Рим) – общинно-частный, с товарным производством. Параллели очевидны: страны с доминированием государственного сектора – это раздаточная модификация начальной формации (система 1.2 на рис. 1); страны с доминированием общинно-частного сектора – рыночная модификация начальной формации (система 1.1). Однако у О.Э. Бессоновой идея параллельности развития рыночных и раздаточных модификаций получила гораздо более широкое применение. Она находит в истории не только рыночное и раздаточное рабство, но также рыночное и раздаточное крепостничество, и даже рыночную и раздаточную системы наемного труда.

Итак, предлагаемая О.Э. Бессоновой метатеория общественного развития обладает некоторыми преимуществами в сравнении с существующими «большими теориями». Они заключаются, коротко говоря, в том, что новосибирский социолог предлагает отказаться от устоявшейся трактовки «государственного натурального хозяйства» и рыночной экономики как последовательных фаз, рассматривая их как параллельно развивающиеся и взаимодополняющие экономические подсистемы. Вместо манихейского противопоставления рынка централизованному перераспределению предлагается рассматривать сложную палитру различных их сочетаний в поисках не крайностей, а наиболее эффективной комбинации. На место набившего оскомину ультрареволюционного «иного не дано!» приходит взвешенное «иное всегда дано».

Недостатки «интегрально-институциональной парадигмы цивилизационного развития»

Рассмотрим теперь, есть ли у концепции О.Э. Бессоновой существенные недостатки.

Есть. И немалые.

Как следует из названия новой метаконцепции, создатель относит ее к классу цивилизационных парадигм. Понятие «цивилизация» автор использует двояко – как обозначение человечества в целом (в рамках введенного ею нового понятия «глобальная цивилизационная матрица») и как синоним государства («каждое государство имеет собственную локальную цивилизационную матрицу»). С первой трактовкой согласиться легко, со второй – очень трудно.

Когда говорят о цивилизациях, то всегда подчеркивают, что они есть нечто более фундаментальное, чем просто государство как политическое образование. Простой пример: в современном мире есть два соседних государства – КНР и Тайвань; значит ли это, что существуют две китайские цивилизации? Вероятно, «собственную локальную цивилизационную матрицу» имеют Монако, Кения, Гондурас?

Может быть, автор концепции случайно пропустил уточнение типа «каждое *крупное* государство»? Нет, здесь не случайная оговорка. Когда несколько

ниже речь пойдет о России как case-study, на котором О.Э. Бессонова доказывает свою концепцию, то обнаружится, что отождествление истории российской цивилизации с историей только одного из российских государств приводит к существенным искажениям.

Самый главный недостаток новой метапарадигмы кроется в том, что ее создатель очень невнятно объясняет, под влиянием чего образуются новые формации и цивилизации. А ведь ответ на вопрос «почему образуются новые экономические системы?» — один из ключевых моментов любой «большой теории». Скажем, по К. Марксу и Д. Беллу, все начинается с появления новых производительных сил; по М. Веберу — с возникновения новой религии; по А. Тойнби — с «ответа на вызов»...

У О.Э. Бессоновой по поводу генезиса новых цивилизаций можно найти следующий тезис: «Центральным элементом каждой локальной цивилизационной матрицы является институциональное ядро, увязывающее в единую систему четыре локальные реальные среды: материально-технологическую, природно-климатическую, национально-демографическую и культурно-религиозную». Очевидно, это надо понимать так, что характер рождающейся цивилизации определяется не каким-либо одним, а многими факторами — техническими (по К. Марксу), климатическими (по Э.С. Кульпину — Л.В. Милову), демографическими (по С.А. Нефедову) и религиозными (по М. Веберу). В принципе поликаузальное объяснение допустимо так же, как и монокаузальное. Но тогда автор концепции должен дать ответ, какова иерархия этих факторов, при каких комбинациях рождающаяся цивилизация получит институциональное ядро рыночного типа, а при каких — раздаточного типа.

Хорошо, а как рождаются формации? Под влиянием каких факторов цивилизация переходит с одной ступени развития на другую, более высокую? «Институциональный цикл, — пишет О.Э. Бессонова, — начинается с перинатальной фазы, в рамках которой происходит внедрение нового... формационного элемента». А «в фазе институционального исчерпания формационный элемент устаревает в связи с изменениями в локальных реальных средах и уже не обеспечивает эффективное функционирование экономической системы». Какие же изменения в «локальных реальных средах» ведут к устареванию формационного элемента? Откуда берется новый формационный элемент? Кто его внедряет? Вопросы, вопросы, вопросы...

Критерии типологизации формаций тоже кажутся не всегда корректными.

Можно согласиться, что рабство, крепостничество и наемный труд качественно отличаются друг от друга. (Правда, историки выделяют еще труд в собственном домохозяйстве. Многие из них даже утверждают, что в античных обществах основой экономики был именно этот труд свободных земледельцев и ремесленников, а вовсе не труд рабов.) Но вот можно ли полагать, что «контрактная модель трудовых отношений» отличается от «наемной модели» в той же степени, как «наемная модель» отличается от «крепостной модели»? Насколько можно понять, разница между трудом по найму и трудом по контракту заключается в том, что в первом случае права личности работника «слабо защищены», а во втором работник имеет «фиксированный набор гражданских прав». Не будем придираться к некоторой не-

брежности формулировок по поводу «прав личности». Сомнения вызывает утверждение, что социальная защита и социальные гарантии работника меняют его статус столь же радикально, как отмена крепостного права. Может быть, возникновение социальной защиты — это не рождение новой формации, а только финальная фаза («фаза институциональных трансформаций») старой «зрелой фазы»¹⁵?

Серьезные сомнения вызывает также попытка автора присовокупить к двум осям развития цивилизации, формационной и институциональной, еще и третью — «ось государственности». Это выглядит так: при трудовых отношениях, организуемых в формах рабства, крепостничества и наемного труда, господствуют авторитаристские монасударства (от монархий до диктатур), а при контрактных трудовых отношениях возникает демосударство. Поскольку «великая трансформация», ведущая к переходу от монасударства к демосударству, произошла, согласно схеме О.Э. Бессоновой, лишь в XX в., то получается, что в Новое время даже в Европе царили одни монархии, деспотии, империи да диктатуры.

Прежде всего, создатель концепции раздаточной экономики явно путает форму власти с ее содержанием. Скажем, Британией со времен короля Артура и до наших дней правят короли и королевы, но современная конституционная монархия отличается от средневековой абсолютистской, как небо от земли.

Далее, хорошо известно, что демократия как принцип организации государственной власти возникает задолго до XX в., еще в древности и Средневековье. Это происходило как раз в тех обществах, которые, согласно модели О.Э. Бессоновой, интерпретируются как рыночные модификации начальной и срединной формаций — в античных городах-государствах типа Афин и средневековых городах-государствах типа Флоренции. Возможно, создатель концепции раздаточной экономики склонен считать полноценным демосударством только государство со всеобщим избирательным правом и с развитыми институтами гражданского общества? Политолог на это ответит, что в античных Афинах, конечно, женщины, рабы и метеки не имели гражданских прав, зато там был такой уровень активного участия граждан в политической жизни, какой трудно найти в современном мире. Афинский гражданин в течение жизни обязательно лично участвовал в каком-либо из выборных государственных органов; в современных же странах очень многие граждане даже ленятся голосовать на выборах. Существует точка зрения, согласно которой победа всеобщего избирательного права есть оборотная сторона падения реального влияния граждан на политику, последняя стала уделом профессионалов, которые не столько выражают интересы граждан, сколько манипулируют ими.

Одним словом, очень похоже на то, что «монасударства» и «демосударства» представляют не последовательные, а, скорее, параллельно развивающиеся политические институты, причем «монасударственность» более типична для рыночных модификаций, в то время как «демосударственность» — для раздаточных.

---

¹⁵ Кстати, как автор представляет себе раздаточную модификацию «интегральной формации»? Ведь в этой интегральной формации у работника есть «фиксированный набор гражданских прав», а при раздаточной модификации базовым сигнальным элементом являются жалобы. Может быть, при раздаточной модификации «интегральной формации» (при «либеральном раздатке») гражданские права работника заключаются в возможности не просто «сигналить» жалобами о неполадках, но еще и получать на эти жалобы ответы, не боясь наказания?

Таким образом, концепция О.Э. Бессоновой имеет две ахиллесовы пяты – не вполне корректный понятийный аппарат и отсутствие объяснений генезиса социально-экономических систем.

Сможет ли «интегрально-институциональная парадигма цивилизационного развития» стать метатеорией?

Тот несомненный факт, что в концепции О.Э. Бессоновой существуют «белые пятна» и просто ошибочные суждения, отнюдь не означает, что она не может конкурировать с другими «большими теориями». В конце концов, нельзя требовать от автора, чтобы он сначала отстроил свою теорию в мельчайших подробностях, а только затем демонстрировал ее научному сообществу. Это в XIX в. К. Маркс мог полтора десятилетия работать в Британской библиотеке над рукописями «Капитала». В наши дни новая концепция рождается на глазах научного сообщества, так что коллеги имеют возможность принять участие в формировании «новорожденной», критикуя ее и дополняя.

Попробуем разобраться, от каких факторов зависит победа новой теории.

Схематически (рис. 2) можно выделить четыре уровня конкуренции научных концепций. Обычно обращают внимание только на один уровень конкуренции (3-й), наивно полагая, что побеждает та теория, которая лучше все объясняет. Если бы «в науках творческих, высоких и прекрасных» все было так просто!

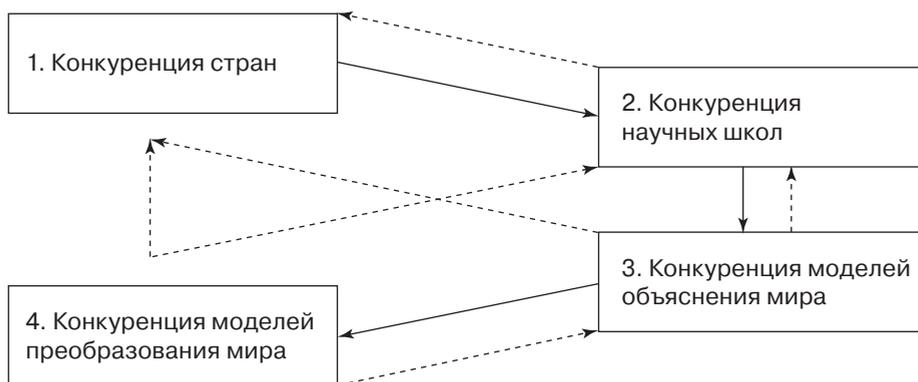

Рис. 2. Уровни конкуренции обществоведческих теорий

Новая научная концепция может побеждать потому, что предлагаемые ею рецепты преобразования мира дают (хотя бы временно) хороший результат, но не оттого, что концепция верна, а по каким-либо иным причинам. (Вспомним про идеи марксизма-ленинизма, которые считались верными, пока были «всесильными») Бывает так, что ранее победившая научная школа не дает пробиться альтернативным теориям (QWERTY-эффект в науке)¹⁶. А бывает и так, что страна, доминирующая в мир-системе, диктует «научную моду», перекрывая возможности развития

¹⁶ См., например, рассуждения [Балацкий 2001].

оригинальных национальных научных школ в подавленных ею странах (как это произошло, например, с немецким ORDO-либерализмом [Латов 2007]).

Таким образом, чтобы некая обществоведческая концепция начала побеждать, мало того, чтобы она давала лучшие объяснения окружающему миру. Необходимо, чтобы за ней стояла сильная научная школа, а желательно, и влиятельная страна, поддерживающая своим престижем авторитет национальных научных школ. Наконец, чтобы концепция долго удерживалась в конкурентной борьбе, необходимо, чтобы рекомендуемые ею меры давали хорошие практические результаты¹⁷.

Рассмотрим теперь, имеет ли «интегрально-институциональная парадигма цивилизационного развития» О.Э. Бессоновой конкурентные преимущества в сравнении с другими современными «большими теориями».

Анализ первого уровня конкуренции теорий ясно свидетельствует, что О.Э. Бессоновой (как и другим российским обществоведам) быстрое признание в мировой науке, увы, не грозит. Авторитет России в мировом сообществе пока не слишком высок. Таков же и авторитет российской науки в мировом научном сообществе. Автору этих строк не раз приходилось слышать скорбные признания коллег-социологов, что зарубежные ученые обычно видят в них в лучшем случае хороших организаторов соцопросов, но упорно не желают видеть выдающихся теоретиков. Так что еще долго будут «наши речи за десять шагов не слышны». И конкретно от О.Э. Бессоновой здесь мало что зависит.

Со вторым уровнем ситуация тоже маловыигрышная. О.Э. Бессонова работает над своей концепцией с 1980-х годов. А бессоновская школа так и не сформировалась. Хотя на ее работы часто ссылаются (и чем дальше — тем чаще), однако, судя по библиографии в трудах самой О.Э. Бессоновой, нет других ученых, которые бы активно участвовали в развитии ее концепции. Есть, правда, еще один видный российский социолог из Новосибирска (С.Г. Кирдина), который, как пишет О.Э. Бессонова, использовал теорию раздаточной экономики, эклектически соединив ее с теориями Д. Норты и К. Поланьи. Увы, здесь о чем-то похожем на формирование научной школы не может быть и речи. Впрочем, среди научных работ последних лет все же можно найти такие, которые объективно развивают концепцию раздаточной экономики, например, анализ «кормленческой функции» царской/советской власти французского историка Т. Кондратьевой [Кондратьева 2006]. В Сети можно встретить даже публицистику, построенную на концепции О.Э. Бессоновой [Сомин]. И все же, научной школы нет.

Проблема формирования школы не стояла бы столь остро, если бы О.Э. Бессонова выбрала в качестве «точки сборки» понятийный аппарат уже существующих теорий и тем самым попробовала бы перенацелить какую-либо из уже существующих научных школ. Однако О.Э. Бессонова сознательно создает свой собственный научный язык, который иной раз более скрывает суть дела, нежели проясняет. Почему «реальные среды», а не факторы? Почему «цивилизационные матрицы», а не

¹⁷ Конечно, полный набор всех этих условий присутствует далеко не всегда. Скажем, Ф. Фукуяме, чтобы прославиться своим «Концом истории», хватило и двух компонентов (1-го и 2-го): содержание его теории было, скорее, интригующим, чем глубоким, а после событий 11 сентября 2001 г. всем стало ясно, что история вряд ли окончится триумфом американского либерализма; однако авторитет американской социологической науки столь высок, что об этой концепции будут вспоминать еще долго.

цивилизации, не национальные экономические системы? Зачем «начальная формация», «срединная» и «зрелая», если существуют устоявшиеся понятия «рабовладельческое общество», «феодалное общество» и «капиталистическое общество»¹⁸? В эту «ловушку Вавилонской башни», когда сконструированный новый научный язык слишком сильно отличается от существующих и потому мешает усвоению новых идей, попал, например, В.П. Илюшечкин, чьи весьма любопытные идеи вряд ли теперь, после смерти автора, получат развитие.

А насколько хорошо, в сравнении с другими «большими теориями», концепция О.Э. Бессоновой объясняет развитие общества? В двух предыдущих разделах мы показали, что в одних отношениях ее теория выигрышнее других, в других отношениях — наоборот. В общем, пока преимущества если и есть, то не слишком значительные.

И наконец, о практическом значении новой теории. Главная современная проблема — как нам реорганизовать Россию, чтобы успеть создать эффективную экономику, пока нас не покинули единственные наши союзники — нефть и газ. Ответ О.Э. Бессоновой неожиданный: а, в общем-то, ничего особенного делать и не надо. Наше ближайшее будущее в 2010-е годы — это «либеральный раздаток», основанный, как и любая раздаточная экономика, на сдачах-раздачах вместо купли-продажи, на общественно-служебной (а не частной) собственности, на подаче жалоб и на служебном труде. А поскольку он либеральный, то у работника будет «фиксированный набор гражданских прав с комплексом социальной защиты и социальными гарантиями». Пожалуй, действительно, в 2000-е годы мы куда-то туда и идем. Правда, наша новая раздаточная экономика пока еще не очень-то либеральная, так что некоторые нерешенные задачи у нас имеются¹⁹.

Может быть, России лучше перейти от системы «либерального раздатка» к системе «либерального рынка»? Не очевидно. С одной стороны, О.Э. Бессонова нигде не рассматривает вопрос, какая модификация, рыночная или раздаточная, более эффективна. Ее позицию можно понять так, что в одних «локальных реальных средах» эффективнее рыночная модификация, а в других — локальная²⁰. Самое главное, однажды сформировавшись, цивилизация уже не может сменить модификацию²¹. Это значит, что если Россия выбрала где-то в IX–X вв. служебную форму «начальной формации», то она обречена подниматься по лестнице формаций, сохраняя все ту же служебную форму. Такая вот зависимость от предшествующего развития — фатальная и неотвратимая. «Иное дано» внутри цивилизационной ма-

¹⁸ Триада «начальная — срединная — зрелая формация» создает, в лучшем случае, ненужные ассоциации с «Концом истории» Ф. Фукуямы. Ведь что должно следовать за стадией зрелости? Либо суперзрелость, дальше которой уже некуда, либо... умирание. Неужели О.Э. Бессонова считает «интегральную формацию» концом или гибелью формационного развития?

¹⁹ Автору данной статьи вообще кажется, что «либеральный раздаток» — оксюморон по типу «демократичный тиран». Прилагательное, указывающее на возможность свободного выбора, плохо сочетается с существительным, указывающим на административное регулирование.

²⁰ «...Доминирующей становится та сторона архетипа, которая обеспечивает эффективное согласование всех реальных локальных сред...».

²¹ «Институциональные ядра, — пишет О.Э. Бессонова, — состоящие из базовых институтов той или иной стороны институционального архетипа, не меняют своей природы на протяжении всего своего жизненного цикла».

трицы (можно несколько менять соотношение институтов раздатка и рынка), но «иного не дано» в плане выбора самой цивилизационной матрицы.

Есть ли у этого предложения – развиваться по накатанной колее, создавая «либеральный раздаток», – практическая ценность? Да, есть. Можно назвать социальные группы в современном российском обществе, которым это предложение будет импонировать. Но существуют и другие социальные группы, которые его отвергнут. Одним словом, предложенная О.Э. Бессоновой модель преобразования мира (точнее, отказа от его качественного преобразования) может на самом деле быть реализована, что приведет к росту популярности новой теории.

Итак, каковы же перспективы теории О.Э. Бессоновой в ее нынешнем виде? В рамках мирового обществоведения вряд ли она сможет быть конкурентоспособной. Зато в рамках российского обществоведения шансы на успех у новой теории много выше.

Развитие России в концепции О.Э. Бессоновой: вечный «восточный деспотизм»

Конкурентоспособность новой теории можно существенно повысить, если осуществить в ней некоторые изменения. Не претендуя на членство в бессоновской школе, автор данных размышлений все же готов внести посильный вклад в ее формирование.

Ранее уже указывалось, что концепция О.Э. Бессоновой страдает фатализмом – мол, цивилизации развиваются всегда именно так, как и должны развиваться под влиянием «реальных локальных сред». Автор данной статьи предлагает, опираясь на идеи современных институционалистов (в духе Д. Норта и П. Дэвида), отказаться от концепции жесткой предопределенности, заменив ее тезисом о противоборстве институциональных систем, где победа может быть обусловлена не только объективно закономерными, но и случайными обстоятельствами.

Исходной точкой для трансформации теории О.Э. Бессоновой удобно взять case-study России.

Как О.Э. Бессонова вернулась к тому, от чего хотела уйти

Суть взглядов О.Э. Бессоновой на «локальную цивилизационную матрицу России» такова: в эпоху раннего Средневековья здесь «сформировалось институциональное ядро с доминированием раздаточных институтов», которое сохранилось до наших дней. Формационная эволюция проявлялась в том, что в Киевской Руси были рабовладельческие отношения в служебной форме, в средневековой Московии и императорской России – крепостнические в служебной форме, а в СССР – наемный труд в служебной форме. Иначе говоря, вся история России – это история раздаточной экономики, где рыночные институты допускаются только как вспомогательные, компенсаторные. И раньше так было, и впредь так будет. Ведь впереди нас поджидает «либеральный раздаток».

Если перевести предлагаемую О.Э. Бессоновой интерпретацию российской истории на язык марксистской обществоведческой парадигмы, то это означает,

что Россия развивается в рамках той экономической системы, которую называют азиатским способом производства («восточным деспотизмом», по К.-А. Виттфогелю).

Как известно, понятие «азиатский способ производства» появилось в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса для обозначения «государственной системы сельских общин», основанной на противостоянии государства-класса и класса подданных²². Среди дореволюционных обществоведов идея об азиатском, нефеодалном характере средневековой России пользовалась довольно высокой популярностью. Можно вспомнить хотя бы полемику между российскими марксистами, когда в 1906 г. Г.В. Плеханов определил допетровскую Россию как «московское издание экономического порядка, лежавшего в основе всех великих восточных деспотий» [Плеханов 1926].

В советский период подобная интерпретация российской истории стала в самой России заведомо невозможной. Действительно, как можно говорить о социалистической революции, если в России не было ни «нормального» капитализма, ни даже «нормального» феодализма?! Характерно, что в разгар знаменитых дискуссий советских историков в конце 1920-х годов об азиатском способе производства вопросы русской истории подчеркнuto не затрагивались. Тем более невозможной оказалась постановка вопроса о нефеодалном характере русского Средневековья в 1930—1970-е годы, когда даже само понятие «азиатский способ производства» рассматривалось советскими историками-ортодоксами как довольно сомнительное. Основой для официальной интерпретации всего русского Средневековья стала концепция «феодализма в России» Н.П. Павлова-Сильванского, утверждающая аналогичность Руси средневековому феодализму Западной Европы²³. Те советские историки, кто осмеливался подвергать сомнению «русский феодализм» (как, например, И.Я. Фроянов в концепции «городов-государств» Киевской Руси), ограничивались утверждениями о «дофеодалном» характере средневековой Руси, не рискуя уточнять, а что же-таки предшествовало русскому феодализму.

Будучи запрещенной в СССР, «азиатская» интерпретация русского Средневековья получила широкое распространение за рубежом, где использовалась для объяснений отличий русского/советского пути развития от западного. Этот подход стал популярен среди западных советологов благодаря, прежде всего, теориям «восточного деспотизма» К.-А. Виттфогеля [Wittfogel 1957] и «вотчинного государства» Р. Пайпса [Paine 1993, 2000].

Сейчас сомнения в феодальной интерпретации средневековой истории России открыто высказываются даже в учебной литературе²⁴. Что касается интерпретации советского строя как типологически сходного с азиатским, то и эта точка

²² Обзор дискуссий об азиатском способе производства см. в [Нуреев 1979].

²³ Окончательная канонизация концепции русского средневекового феодализма связана с трудами Б.Д. Грекова. Впрочем, применительно к Киевской Руси точка зрения о «государственно-феодалном» общественном строе (государственный феодализм — один из синонимов азиатского способа производства) возродилась уже в работах Л.В. Черепнина 1950-х годов и стала доминирующей.

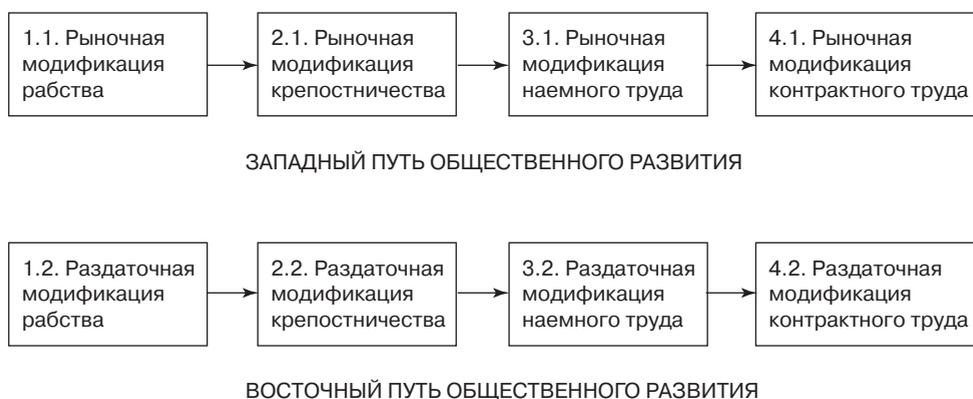
²⁴ «Российский феодализм — это какой-то фантом. Он вроде бы есть, и в то же время его нет» [Лусейнов 1999, с. 69].

зрения также широко представлена в современной научной литературе²⁵. Таким образом, предлагаемый О.Э. Бессоновой взгляд на российскую историю хорошо вписывается в определенного рода традицию.

Но не извращает ли автор данной статьи взглядов создателя «интегрально-институциональной парадигмы цивилизационного развития»? Ведь на рис. 1 нет никакого азиатского способа производства!

На самом деле он там присутствует. Чтобы доказать это, внимательно рассмотрим рис. 1 и сделаем в нем некоторые уточнения.

Институциональный архетип, по О.Э. Бессоновой, изменить нельзя. Следовательно, раздаточные модификации более развитых формаций генетически происходят от раздаточных же модификаций менее развитых формаций. То же самое происходит и с рыночными модификациями. Значит, можно нарисовать две цепочки экономических систем: один путь развития для стран с рыночной экономикой, другой – для стран с раздаточной экономикой (рис. 3).

Рис. 3. Рыночные и раздаточные модификации общественных формаций как два пути общественного развития

Поставим теперь вопрос: насколько сильно отличаются друг от друга раздаточные модификации разных формаций? Можно ли утверждать, что системы 1.2, 2.2, 3.2 и 4.2 отличаются друг от друга столь же существенно, как системы 1.1, 2.1, 3.1 и 3.2?

О.Э. Бессонова полагает, что служебное крепостничество, когда крестьяне «крепки» принадлежащей государству земле, принципиально отличается от служебного рабства, когда государство предписывает работнику «обязательное трудовое участие в выполнении нормативных производственных заданий... и закрепляет за местом проживания». А какой-нибудь К.-А. Виттфогель не понимает, чем «крепость» земле отличается от закрепления за местом проживания, и называет все это «восточным деспотизмом». То же самое и с экономическими системами 3.2 и 4.2. Исследователи советской экономики указывают, что в отдельные периоды времени и по отношению к отдельным категориям населения (например, к колхозникам

²⁵ См., например [Стариков 1996; Нуреев, Рунов 2002; Шкаратан 2004].

1930–1950-х годов) существовала самая настоящая «крепость» земле. Да и вообще, когда государство является не просто главным, но единственным работодателем, то говорить о трудовом найме в полном смысле этого слова не вполне корректно.

Итак, нижнюю строку на рис. 3 можно заменить. Теперь дадим экономическим системам более привычные названия и введем в схему изначальную первобытность (рис. 4).

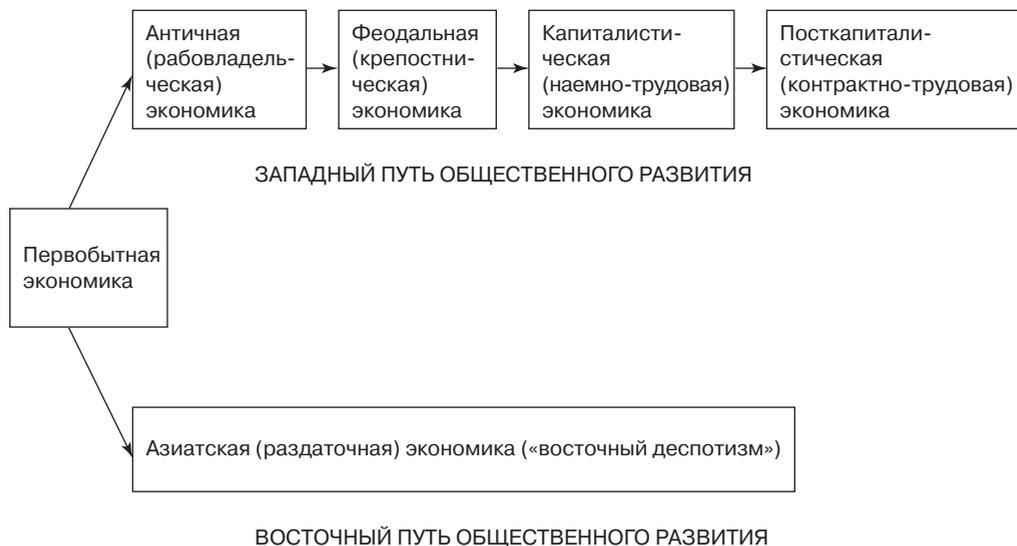

Рис. 4. Рыночные формации и раздаточная формация как два пути общественного развития

В результате мы получили ту самую парадигму двух путей цивилизационного развития, адекватность которой О.Э. Бессонова изначально ставила под сомнение: западная цивилизация формационно эволюционирует (рабство/античность – феодализм – капитализм – посткапитализм), а восточная (в нашем case-study – российская) развивается в границах одной и той же экономической системы (азиатского способа производства – «восточного деспотизма»).

Таким образом, хотя О.Э. Бессонова позиционирует свою концепцию как альтернативу парадигме двух путей цивилизационного развития, на самом деле она именно эту парадигму закрепляет и развивает. Несмотря на то что автор концепции раздаточной экономики протестует против дихотомического противопоставления Запада и Востока, ее собственная концепция тоже основана на том, что «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись».

Как уйти от того, к чему пришла О.Э. Бессонова

Почему же в российской цивилизации тысячелетие сохраняется доминирование институтов сдач-раздач? Потому что «выживание этноса в данном географическом ареале обеспечивается базовыми институтами раздаточного типа», отвечает О.Э. Бессонова. Ведь «к неизменным чертам локальной цивилизационной матри-

цы России относятся многонациональность, обширная территория, низкая плотность населения, суровый и разнообразный климат, низкая урожайность, обилие полезных ископаемых и природных богатств, опасность внешних врагов».

Неужели этот набор характерен только для России? Взглянем на соседнюю Скандинавию – все примерно такое же: несколько наций, обширная (по европейским меркам) территория, низкая плотность населения, суровый климат, низкая урожайность, есть даже полезные ископаемые (нефте-газовые месторождения в Норвегии) и сильные внешние враги (прежде всего Россия). Россия – монолитная держава, в то время как Скандинавия – это четыре совсем разные страны? Так это они сейчас совсем разные, а были времена, когда почти вся Скандинавия объединялась под началом то Дании, то Швеции. Кстати, в Средние века русские земли были временами раздроблены на десятки княжеств, каждое из которых не отличалось по размерам от государств Западной Европы. Нет, что-то в фатальную обусловленность доминирования в России раздаточной экономики не очень верится.

Настало время задать принципиально важный вопрос, правильный ответ на который поможет многое усовершенствовать в концепции О.Э. Бессоновой относительно развития российской цивилизации (да и других цивилизаций). Итак, вот он, этот каверзный вопрос: какие страны относятся к российской цивилизации?

Что касается Киевской Руси, то ее история в анализируемой программной статье практически не затронута²⁶. Автор данной статьи тоже не будет ее рассматривать.

Основной корпус примеров о доминировании с давних времен раздаточных институтов относится к истории Московии XIII–XVII вв., наследником которой стала императорская Россия династии Романовых.

Но разве Московия – это единственное русское государство той эпохи? А Великое княжество Литовское? А Господин Великий Новгород? А казачьи республики?

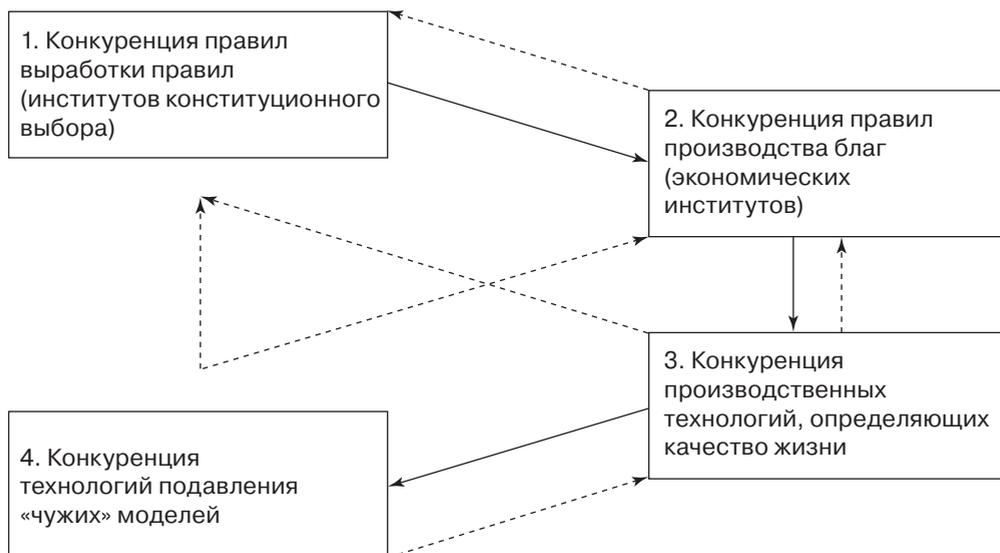
Можно ли утверждать, что в этих русских государственных образованиях, которые развивались почти в том же «географическом ареале», тоже доминировали раздаточные институты?

Российская цивилизация, на наш взгляд, вбирает все государства, в которых доминирует российская культура. Применительно к эпохе XIII–XVII вв. можно ставить знак примерного равенства между понятиями «российская цивилизация» и «русская цивилизация». Самые простые маркеры этой цивилизации – общие язык, письменность и религия (конечно, с рядом областных вариаций, сохраняющих общее единство).

История российской цивилизации доказывает, что внутри цивилизации возможно активное противоборство по поводу выбора доминантной системы институтов. Это противоборство ведет к тому, что разные государства одной цивилизации будут основаны на разных базовых институтах. И исход этого противоборства зависит от ряда обстоятельств.

²⁶ Об этом периоде истории О.Э. Бессонова подробнее писала в других своих работах. См. [Бессонова 2006, с. 52–60].

Коротко говоря, в столкновении государств с разными экономическими системами побеждают те, которым легче подавить конкурентов. Это, конечно, похоже на тавтологию (мол, побеждают те, которые побеждают). Однако такая тавтология обращает внимание на главный критерий сравнительной эффективности институтов – их способность противодействовать «чужому». Подавление «чужих» моделей может происходить самым разным образом: либо экспортом институтов путем прямого военного насилия (завоевание Америки в XVI–XIX вв. европейцами), либо демонстрацией преимуществ своей модели и помощью в импорте институтов (современная политика США в отношении других стран мира).

Рис. 5. Уровни конкуренции государственных моделей экономики

Конкуренция технологий подавления (противоборства подавлению) является отражением других уровней конкуренции (рис. 5). Среди технологий подавления (военных, экономических, идеологических) более сильны те, которые опираются на преимущества в производстве и потреблении (уровне и качестве жизни). «Правы большие батальоны», вооруженные более современным оружием и активно отстаивающие свой образ жизни. Конкуренция уровня и качества жизни, далее, опирается на конкуренцию правил производства экономических благ – на конкуренцию экономических институтов. Высшим уровнем институциональной конкуренции является конкуренция правил совершенствования старых и генерирования новых экономических институтов. В этой схеме есть, конечно, не только прямые, но и обратные зависимости.

Следует подчеркнуть, что конкурентные преимущества на более верхних «этажах» нашей схемы становятся не потенциально возможными, а реальными лишь тогда, когда они влияют на конкурентные преимущества более низких «этажей». Перефразируя классика, можно сказать, что любая институциональная система «лишь тогда чего-нибудь стоит, когда умеет защищаться» и наступать. Если некая

институциональная система обеспечивает своим приверженцам более высокий уровень жизни, но не обеспечивает защиту от внешней агрессии, то такая система заведомо неконкурентна в долгосрочном периоде. В том случае, когда силовые возможности разных моделей приблизительно равны, исход их противоборства может быть решен во многом случайными обстоятельствами.

Если взглянуть на историю российской цивилизации сквозь призму предложенной нами модели конкуренции государственных моделей экономики, то обнаружится, что в России XIII–XVII вв. противоборствовали четыре государства, представлявших качественно разные модели развития российской цивилизации. У каждого из них были шансы на победу. И даже победу московитской версии российской цивилизации нельзя рассматривать как окончательную победу раздаточной экономики.

Развитие России вопреки концепции О.Э. Бессоновой: русская «западная демократия» против русского «восточного деспотизма»²⁷

Московитская модель, основанная на раздаточных институтах, — в более привычной для автора данной статьи терминологии, на институтах власти-собственности — уже описана в статье О.Э. Бессоновой. Автор концепции раздаточной экономики подробно и очень выразительно характеризует правила государственной редиистрибуции (сдач-раздач), а также механизм жалоб как систему обратной связи «верхов» с «низами». Но наряду с московской моделью (Восточной Россией) в XIII–XVII вв. существовали еще три государственных модели российской цивилизации:

- новгородская модель, которая отражала сохранившуюся со времен Киевской Руси самобытную традицию частнособственнических отношений (Северо-Западная Россия);
- литовская модель, развивавшаяся по западному пути развития, тоже основанная на частной собственности (Западная Россия);
- казацкая модель — разновидность отношений власти-собственности, причем более примитивных, чем доминировавшие в Московском государстве (Южная Россия).

Все альтернативные варианты развития российской цивилизации потерпели поражение в конкуренции с московским «вотчинным государством»²⁸. Анализ этого противоборства позволяет лучше понять механизмы институциональной конкуренции и увидеть те точки бифуркации, когда развитие российской цивилизации могло бы пойти иным путем.

²⁷ В данном разделе использованы материалы из статьи [Латов 2004].

²⁸ Следует иметь в виду, что социально-экономическая история русских княжеств XIII–XV вв., за исключением Московии и Великого Новгорода, изучена не очень глубоко, поэтому не исключено, что существовали и еще какие-то модели (тверская, рязанская, смоленская...). Более вероятно, однако, что выделенные четыре модели описывают основные векторы возможного развития, к которым стягивались пути развития всех прочих княжеств.

*Поражение Новгорода как результат объективно
низкого военного потенциала*

Раньше всего Московии удалось покончить с Новгородом, Северо-Западной Руссией. Если в XIV в. Новгородская республика ограничивала свою зависимость от Москвы выплатой дани для пересылки в Золотую Орду, то после разгрома на Шелони в 1471 г. Новгород признал себя «отчиной» московского великого князя, а в 1478 г. остатки новгородской «демосударственности» были полностью ликвидированы.

Новгородская боярская республика являлась своеобразным городом-государством, в котором полнотой политических прав обладали только потомственные новгородские бояре (40 семей — «300 золотых поясов»), в меньшей степени — незнатные коренные жители Господина Великого Новгорода. Собственность здесь была относительно независима от власти: если новгородские бояре являлись одновременно и политическими руководителями, и крупнейшими землевладельцами, то «житьи» (категория населения, похожая на афинских метеков) не обладали полнотой политических прав, но могли иметь обширные земельные владения, не уступавшие боярским. Приглашаемый на временную службу князь выступал почти исключительно как военачальник, своего рода кондотьер, не имеющий прав вмешиваться в поземельные отношения. В терминологии О.Э. Бессоновой, можно сказать, что у Новгородской республики было институциональное ядро рыночного типа и многие черты демосударственности.

Новгородский социально-экономический строй, резко отличаясь от московской власти-собственности, однако никогда не представлял сколько-нибудь сильной политической альтернативы Москве. Это заметно хотя бы в том, что присоединение Новгорода шло в XV в. как «игра в одни ворота»: новгородцам ни разу не удалось дать эффективный отпор москвичам.

Легкая победа Москвы над Новгородом может показаться странной. Ведь новгородская вечевая демократия потенциально являлась более перспективным институтом конституционного выбора, чем «монасударственный» авторитаризм московских князей. Уровень и качество жизни новгородцев были не ниже, а скорее выше, чем у москвичей.

Разгадка в том, что исход конкуренции разных государственных моделей определялся в доиндустриальных обществах, как указывалось, прежде всего преимуществами военного потенциала.

Поскольку московская армия комплектовалась воинами, получавшими служебные имения, то вотчинно-помещичья система давала растущий эффект от масштаба: чем больше земель присоединяла Москва, тем многочисленнее была ее профессиональная армия. Бояре и помещики присоединяемых княжеств либо изъявляли покорность Москве и вливались в ее армию, либо, если они успели зарекомендовать себя противниками Москвы, подвергались репрессиям, а их земли передавались лояльным к новой власти воинам.

Военная система Новгорода основывалась на сочетании использования дружины приглашенного служивого князя с городским ополчением. Поскольку у неполноправных жителей пригородов и погостов не было особого резона защищать

новгородскую свободу, то никакого эффекта от масштаба не возникало – присоединение новых земель не увеличивало числа жителей Господина Великого Новгорода, из которых набиралось ополчение. К тому же после реформ 1410-х годов вечевая демократия начала разрушаться, сменившись боярской олигархией (наподобие средневековой Венеции). Оказавшись отчужденными от управления, «черные люди» Новгорода лишились стимула защищать республиканские институты [Янин 2003, с. 353, 438].

Таким образом, в противоборстве с Москвой Новгород мог только обороняться. Такая стратегия делала потерю его независимости вопросом времени. Единственной альтернативой насильственному присоединению к Москве было присоединение к Великому княжеству Литовскому. В XV в. новгородские бояре действительно стали все чаще приглашать служивых князей из Литвы, но Иван III пресек намечавшийся переход Новгорода под власть литовских правителей. При ином стечении обстоятельств Господин Великий Новгород мог бы успеть присоединиться к Литве, значительно ее усилив.

Поражение Литвы как результат субъективной ошибки в конфессиональной политике

Противоборство Москвы с Литвой проходило, в сравнении со слабостью новгородской альтернативы, в гораздо более равных условиях.

Как известно, после монголо-татарского нашествия большинство бывших княжеств Киевской Руси перешло под власть литовских князей. Официальным языком Великого княжества Литовского был русский (старобелорусский), язык 80% его подданных. Вплоть до конца XIV в. Великое княжество Литовское выступало как центр консолидации русских земель, по меньшей мере, не уступающий Москве. При этом уровень политической и экономической демократии в Литве был существенно выше: литовские князья руководствовались принципом «мы старины не рушим», что вело к сохранению унаследованных от Киевской Руси институтов боярской самостоятельности и вечевого самоуправления, постепенно трансформировавшихся в дворянскую демократию и магдебургское право. На примере Великого княжества Литовского мы видим еще одно русское государство с институциональным ядром рыночного типа и с демосударственностью.

Поскольку Великое княжество Литовское, как и Московское княжество, применяло вотчинно-поместную систему военной комплектации, то ее военный потенциал был никак не ниже, чем у Москвы. Показателем военной силы Литвы является хотя бы тот факт, что если Москва платила дань Золотой Орде, то Литва была от нее независима (хотя и она сильно страдала от татарских набегов).

В институциональной конкуренции между Москвой и Литвой поражение Литвы как «второй России» – Западной России, борющейся с московской Восточной Россией, – связывают с неудачным конфессиональным выбором литовских князей. Приняв по Кревской унии 1385 г. католицизм, они «закрыли» для себя возможность стать «своими» для русских подданных, поскольку вплоть до Новейшего времени конфессиональные границы становились и границами «национальных» экономических систем. Вероятно, если бы Ягайло и Витовт сделали ставку не

на союз с католической Польшей, а на православных подданных, они могли бы присоединить к Литве и Московское княжество, сыграв в русской истории роль «объединителя» Ивана III, только менее самодержавного. Гадячская уния 1658 г., признававшая равноправие в Речи Посполитой православных и католиков, появилась слишком поздно, когда Западная Россия уже умирала.

Уния Литвы не с Московской Русью, а с Польшей привела к «вестернизации по-польски» и формированию на западнорусских землях своеобразного республиканского строя, отчасти схожего с Новгородской боярской республикой времен ее заката.

Экспорт в Литву (включая русские земли) польских институтов дворянской демократии резко усилился после Люблинской унии 1569 г., когда Великое княжество Литовское окончательно слилось с Польским королевством. Объединенное польско-литовско-русское государство стало называться «Речь Посполитая» (*Rzecz pospolita* — по-польски «республика», «общее дело»). Это название отражало важную роль, которую играли как в Польше, так и в Литве дворянские парламенты-сеймы разных уровней. В выборах не участвовали ни горожане, ни тем более крестьяне, однако поскольку дворянский титул носил почти каждый десятый подданный Речи Посполитой, то в парламентской деятельности участвовало 8–10% населения страны. Для сравнения можно сказать, что в колыбели западной демократии, в Великобритании, доля англичан, имеющих избирательные права, до середины XIX в. была ниже.

В состав Речи Посполитой входили многие русские земли — современные Украина, Белоруссия, Смоленская область. Вплоть до XVII в. они продолжали выступать «второй Россией», альтернативным — более демократическим — вариантом социально-экономического развития русской цивилизации. Последний шанс на перехват ею инициативы у московского самодержавия был упущен во время Смуты 1604–1618 гг. Провал попыток посадить на московский престол западнорусского православного правителя (сначала Лжедмитрия I, потом Владислава, сына польского короля Сигизмунда III) привел к тому, что за Речью Посполитой закрепилась репутация врага православия. К концу XVII в., с завершением окатоличивания русской знати и после страшных разорений Хмельниччины и русско-польской войны 1654–1667 гг., Западная Россия окончательно исчезла, дав начало Украине и Белоруссии²⁹.

Поражение казачества как результат объективно низкой продуктивности «военного способа производства»

Наиболее интересный сюжет в анализе противоборства русских государств с качественно разными экономическими системами — это история казачества, Южной России.

Вольное казачество сложилось на южной окраине русских земель в начале XVI в. как «буфер» между Россией и Степью. Сюда уходили наиболее пассионар-

²⁹ Условной датой конца Западной России можно считать 1696 г., когда литовско-(бело)русские послы на сейме Речи Посполитой внесли предложение о замене (бело)русского языка польским в государственном употреблении на землях бывшего Великого княжества Литовского.

ные представители всех сословий (от холопов до дворян), которые были готовы вне контроля центрального правительства каждодневно добывать средства к жизни саблей, а не плугом. В казачьих станицах Дона и Запорожской Сечи даже в XVII в. запрещалось заниматься земледелием, зато оружием здесь владел каждый мужчина. Военная добыча от походов (в основном против «басурман», но не только) стала главным источником дохода этих профессиональных воинов.

Добывание средств к жизни путем, главным образом, прямого военного насилия тяжело интерпретировать в терминах концепции О.Э. Бессоновой (как, впрочем, и в терминах других «больших теорий»). А ведь подобные военизированные сообщества (пиратские республики, кочевые орды...) многократно возникали в истории человечества и играли временами очень важную роль — вспомним хотя бы хрестоматийных татаро-монгол XIII в. или более позднее Крымское ханство. О купле-продаже здесь не может быть и речи, назвать это системой сдач-раздач тоже трудно. Ведь сдачу осуществляют одни (те, кого грабят), а вот раздачу получают совсем другие (те, кто, награбив, делит добычу). Вероятно, «военный способ производства» — это все же экстремальный вариант раздаточной экономики, когда многие обычные для данной экономической системы институты просто исчезают (скажем, трудовых отношений в обычном смысле слова нет вообще).

Численность казаков в сравнении с числом подданных Москвы и Литвы была очень небольшой, всего несколько тысяч (возможно, десятков тысяч) человек. Однако высокий военный потенциал вольного казачества, а также его способность существенно увеличивать численность своих рядов за счет приема новых «пассионариев», заставляли рассматривать казаков как политическую силу, способную выдвигать свой вариант социально-экономического устройства общества. Каков этот вариант, стало ясно во время Смуты 1604–1618 гг., главными зачинщиками которой считают именно казаков.

Современные историки все чаще проводят параллели между давними событиями начала XVII в. и Гражданской войной 1917–1922 гг. Они начинают рассматривать Смуту как первую в истории России полномасштабную гражданскую войну³⁰, связанную с противоборством трех разных моделей развития российской цивилизации — московской, литовской и казацкой.

Наводнив Московию, казаки грабили всех, у кого было хоть какое-нибудь ценное имущество. Наряду с «простым» грабежом казаки практиковали и более упорядоченные его формы. На контролируемых казаками местностях в центральной России создавались приставства: отряд казаков захватывал определенную территорию в коллективное кормление, заставляя местных жителей отдавать все, что захотят забрать люди с оружием [Станиславский 1990, с. 23–24, 41]. Если жертвы грабежей выражали недовольство, казаки просто убивали протестующих. Легендарный Иван Сусанин погиб, как считают историки, от рук вовсе не поляков, а именно грабителей-казаков.

Поскольку казачьи отряды действовали самостоятельно, без какой-либо координации друг с другом, то новое правительство Романовых все же нашло силы в 1617–1618 гг. разогнать «гулявшие» по Московии отряды «казаков-разбойников».

³⁰ См., например [Станиславский 1990].

Если бы у казаков появился в это время лидер типа Степана Разина или Емельяна Пугачева, то Смута могла закончиться и коронацией «казацкого царя». (Существует версия, что Михаила Романова выбрали на престол как раз под давлением казаков. Но он, коронованный казаками, обманул их ожидания.)

В реальной истории казачий «потоп», едва не перевернувший Московское государство, вернулся в прежнее русло. После Деулинского перемирия 1618 г. с Польшей донских казаков включили в систему московитского раздатка — специальной грамотой от правительства Романовых им было установлено регулярное царское жалованье деньгами, боеприпасами и продуктами. По существу, вольным казакам Дона выплачивалась такая же дань за воздержание от грабежей, как и крымским татарам. Характерно, что отношениями и с Крымским ханством, и с донскими казаками ведал один и тот же Иноземный приказ. Лишь в 1671 г. донское казачество, зажатое между Московским государством и Турецкой империей, присягнуло на верность московским государям. Характерно, что это произошло сразу после подавления «восстания» Степана Разина 1669–1671 гг. — не столько крестьянской войны, сколько неудачной попытки вернуться к Смутному времени. «Казачью альтернативу» окончательно ликвидировали лишь в конце XVIII в., после разгрома «восстания» Емельяна Пугачева 1773–1775 гг. — последней попытки казаков навязать московскому «вотчинному государству» собственную версию раздаточной экономики³¹.

Конечно, казачья версия раздаточной экономики была наименее экономически продуктивной, наименее привлекательной для большинства россиян, которые не желали ни быть ограбленными, ни учиться грабить других. Поэтому в долгосрочном периоде этот путь развития России неминуемо был бы пресечен. Но в краткосрочном периоде успех «казачьей альтернативы» был вполне возможен.

К чему мог бы привести успех казачьих походов против Москвы, можно понять по результатам Хмельнитчины и последующей Руины. На Украине казакам в середине XVII в. удалось полностью подавить старую правящую элиту и создать полусамостоятельное (до времен Петра I) государство под гетманским управлением. Социально-экономическим результатом стало разорение страны в ходе полувекowych войн и междоусобиц, сохранение поместной системы при обновлении личного состава землевладельцев и усилении начал раздаточной экономики (власти-собственности). Если бы «крестьянские войны» привели к захвату Москвы казаками, украинская Руина повторилась в масштабах всего Русского государства.

Возможности развития «западной демократии» в российской цивилизации Нового и Новейшего времени

Таким образом, развитие российской цивилизации принципиально нельзя сводить к развитию единственной институциональной матрицы. Одним из главных сюжетов институциональной истории средневековой России является, на самом

³¹ В советской историографии было принято интерпретировать движения И. Болотникова, С. Разина и Е. Пугачева как «крестьянские войны». Критику этого стереотипа и обоснование преимущественно казачьего характера этих «восстаний» см. в [Сокольский 1990; Нольте 1994].

деле, противоборство двух экономических систем (табл. 2) — основанной на восточной власти-собственности (в терминах концепции О.Э. Бессоновой — на раздаточной экономике) и основанной на западных принципах уважения прав частной собственности (в терминах концепции О.Э. Бессоновой — на рыночной экономике). В развитии российской цивилизации можно найти не только «восточный деспотизм», но и «западную демократию».

Но, быть может, после окончательной победы московитской версии развития российской цивилизации возможности для российской «западной демократии» оказались полностью потерянными? Ведь других российских государств больше не было (за исключением короткого периода Гражданской войны).

Таблица 2. Сравнение институциональных характеристик альтернативных моделей развития русской цивилизации XIII—XVII вв.

Институциональные характеристики	Модели, основанные на власти-собственности (раздаточной экономике)		Модели, основанные на частной собственности (рыночной экономике)	
	Московская модель	Казацкая модель	Новгородская модель	Литовская модель
Формы земельной собственности	Поместья и вотчины как индивидуальные служебные владения	Приставства как коллективные служебные владения	Вотчинная неслужебная собственность	
Управление	Самодержавное	Демократическое	Боярская олигархия с элементами народной демократии	Дворянская демократия
Военная организация	Поместная система	Поголовное вооружение	Дружина приглашенного князя, городское ополчение	Дворянская и наемная армии
Причины поражения в конкуренции с Москвой		Разрозненность вооруженных сил, непривлекательность для основной массы населения	Слабость военной организации	Неудачный конфессиональный выбор правящей династии

Автор данной статьи полагает, что и история России XVIII—XX вв. не совсем укладывается в интерпретацию О.Э. Бессоновой. Согласно ее концепции, после того как раздаточная модификация крепостничества в России стала устаревать, наступила фаза квазикапитализма как переходного периода перед победой раздаточной модификации наемного труда. Если бы это было так, то следовало бы ожидать, что в XIX — начале XX в. будет происходить относительно плавное усиление институтов нового типа раздаточной экономики. Вместо этого в императорской России мы наблюдаем пусть прерывистое, но все же однозначно доминирующее в

долгосрочном периоде усиление институтов рыночной экономики. Б.Н. Миронов вообще считает, что предреволюционная Россия превращалась в нормальную европейскую страну, а события 1917 г. оказались, скорее, катастрофическим срывом, чем объективной неизбежностью [Миронов 2003]. Похоже на то, что в начале XX в. императорская Россия стояла на грани перехода к рыночной экономике европейского типа, эта доминирующая тенденция оказалась прервана во многом субъективными обстоятельствами³².

Переосмысление далекого прошлого заставляет по-новому взглянуть на современную Россию. Не повторилась ли в 1990-е годы ситуация далекого XV в., когда российская цивилизация снова оказалась представленной тремя государствами? Тогда были Московия, Великое княжество Литовское и Господин Великий Новгород; сейчас – Россия, Украина и Республика Беларусь. Ведь в культурном отношении наши соседи остаются, безусловно, в ареале российской/русской цивилизации. И снова мы видим, что в разных русско-культурных государствах наблюдается выбор качественно разных моделей развития.

Идет ли конкуренция разных государственных моделей на пользу цивилизационному развитию или во вред? Это повод для серьезных размышлений.

В любом случае нам представляется, что доработку концепции О.Э. Бессоновой необходимо начать с переосмысления тезиса о неизменности локальной цивилизационной матрицы. Видимо, как бы не давили особенности «реальных локальных сред», возможность для выбора у нации все же остается. Она была у россиян раньше, остается и теперь. Необходимо точно осознать границы этого выбора и найти в этих границах наиболее эффективный путь развития российской цивилизации.

Литература

- Амир С.* Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. М.: Европа, 2007.
- Арриги Дж.* Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего, 2006.
- Балацкий Е.В.* Мировая экономическая наука на современном этапе: кризис или прорыв? // Наукоеведение. 2001. № 2.
- Бессонова О.Э.* Образ будущего России и код цивилизационного развития. Новосибирск: ИЭОПП, 2007.
- Бессонова О.* Раздаточная экономика России: Эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН, 2006.
- Бессонова О., Кирдина С., О'Салливан Р.* Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1996.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв.: В 3 т. М.: Прогресс, 1986–1992 (М.: Весь мир, 2006).
- Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI в. М.: Логос, 2003.
- Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001.

---

³² Главным из этих негативных субъективных обстоятельств автор данной статьи считает не «злодеяния большевиков», а некомпетентность высшей политической элиты. России очень не повезло с последним царем.

- Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 2002.
- «Великая трансформация» Карла Полаanyi: прошлое, настоящее, будущее / Под общ. ред. проф. Р.М. Нуреева. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
- Время мира. Вып. 2. Структуры истории / Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.
- Гусейнов Р. История экономики России: Учеб. пособие. М.: ИВЦ «Маркетинг», 1999.
- Дэвид П. Клио и экономическая теория QWERTY // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
- Илюшечкин В.П. Теория стадийного развития общества: История и проблемы. М.: Восточная литература, 1996.
- Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. М.: Academia, 1998.
- Иноземцев В.Л. Очерки истории экономической общественной формации. М.: Таурус, Век, 1996.
- Иноземцев В.Л. К теории постэкономической общественной формации. М.: Таурус, Век, 1995.
- История Древнего мира. Кн. 1–3 / Под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой. 3-е изд. М.: Наука, 1989.
- Кагарлицкий Б. Периферийная империя: Россия и миросистема. М.: Ультра. Культура, 2004.
- Кондратьева Т. Кормить и править. О власти в России XVI–XX вв. М.: РОССПЭН, 2006.
- Кульпин Э.С. Бифуркация Запад – Восток: Введение в социоестественную историю. М.: Московский лицей, 1996.
- Ла Порта Р., Лонес-Де-Силанес Ф., Шлейфер А. Корпоративная собственность в различных странах мира // Российский журнал менеджмента. 2005. Т. 3. № 3.
- Латов Ю.В. Может ли теория экономической истории не быть институциональной? // Вопросы экономики. 2004. № 2.
- Латов Ю.В. Власть-собственность в средневековой России // Экономический вестник Ростовского гос. ун-та. 2004. Т. 2. № 1.
- Латов Ю.В. История экономических учений как отражение конкуренции национальных экономических систем в «ядре» мир-экономики // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5. № 3.
- Латов Ю.В., Латова Н.В. Открытия и парадоксы этнометрического анализа российской хозяйственной культуры по методике Г. Хофстеда // Мир России. 2007. № 4.
- Магун В.С. Трудовые ценности экономически активного населения // Мы и они. Россия в сравнительной перспективе. М.: ИЭПП, 2005.
- Магун В.С. Российские трудовые ценности в идеологии и массовом сознании // Мир России. 1998. № 4.
- Магура М.И., Магун В.С. Шкала протестантской трудовой этики и опыт ее применения в российских организациях // Российское предпринимательство: стратегия, власть, менеджмент. И.: Изд-во института социологии РАН, 2000.
- Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998.
- Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. XVIII – начало XX в.: Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1–2. СПб.: Дмитрий Булавин, 2003.
- Нефедов С.А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2007.
- Нольте Г.Г. Русские «крестьянские войны» как восстания окраин // Вопросы истории. 1994. № 11.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «НАЧАЛА», 1997.
- Норт Д., Уоллес Д., Вейнгаст Б. Концептуальный подход к объяснению истории человечества // Эковест. 2007. № 1 (<http://research.by/pdf/2007n1r01.pdf>).

- Нуреев Р.М. Экономический детерминизм и его критика Карлом Поланьи // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее / Под общ. ред. проф. Р.М. Нуреева. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
- Нуреев Р.М. Проблема «азиатского способа производства» в советской историко-экономической литературе // Вестник Московского ун-та. Сер. 6. Экономика. 1979. Вып. 5 (<http://www.auditorium.ru/books/716/>).
- Нуреев Р.М., Рунов А.Б. Россия: неизбежна ли деприватизация? (Феномен власти-собственности в исторической перспективе) // Вопросы экономики. 2002. № 6.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Институционализм в новой экономической истории // Институциональная экономика: Учебник / Под общ. ред. А. Олейника. М.: ИНФРА-М, 2005. М.: РЭА, 2007.
- Пайнс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993.
- Пайнс Р. Собственность и свобода. М.: Московская школа политических исследований, 2000.
- Плеханов Г.В. Сочинения. Т. XV. М.; Л., 1926.
- Плискевич Н.М. «Власть-собственность» в современной России: происхождение и перспективы мутации // Мир России. 2006. Т. XV. № 3.
- Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002.
- Поланьи К. Торговые порты в ранних обществах // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее / Под общ. ред. проф. Р.М. Нуреева. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
- Семенов Ю.И. Философия истории. М.: Современные тетради, 2003.
- Сокольский М. Почему «крестьянские войны»? Мифоведческое эссе // Сокольский М. Неверная память. Герои и антигерои России. М.: Московский рабочий, 1990.
- Сомин Н.В. Экономика служения и экономика наживы (http://chri-soc.narod.ru/economika_sluzhenia_i_economika_najivi.htm).
- Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М.: Мысль, 1990.
- Стариков В.Н. Общество-казарма: от фараонов до наших дней. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996.
- Тойнби А. Постигание истории. М.: Прогресс, 1998.
- Тоффлер О. Третья волна. М.: АСТ, 1999.
- Тромпенаарс Ф., Хампден-Тернер Ч. Национально-культурные различия в контексте глобально-го бизнеса. Минск, 2004.
- Шкаратан О.И. Российский порядок: Вектор перемен. М.: Вита-Пресс, 2004.
- Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, Ермак, 2004.
- Фурсов А.И. Школа мир-системного анализа: Основные положения концепции И. Валлерстайна // Восток. 1992. № 1.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2005.
- Янин В.Л. Новгородские посадники. М.: Языки славянской культуры, 2003.
- Wittfogel K.-A. K. Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power. New Haven: Yale University Press, 1957.